Ехал в Пермский край на открытие Дней литературы, но особо в Перми не задержался. Снарядили любезные хозяева скорым порядком десант из приезжих гостей-литераторов, и по раннему снежку, по утреннему холодку тронулись мы двумя дружными транспортами в город Чусовой, до которого расстояние весьма приличное. Более ста километров... А город Чусовой, если кто не знает или вдруг запамятовал, не просто рядовой районный центр уральской глубинки, а центр притягательный и достаточно знаменитый – именно сюда, на родину своей жены, Марии Семеновны, сразу после войны приехал «веселый солдат» Виктор Петрович Астафьев, именно здесь прожил долгие и очень непростые семнадцать лет, но главное, именно здесь состоялся как писатель. И очень отрадно, что чусовляне помнят об этом – целых два астафьевских музея (вернее, два отделения одного объединенного музея) оборудовали с бережной скрупулезностью и любовью.

Едем сразу в первый – на улицу Фрунзе, 38. Здесь в подвальном помещении в середине прошлого века располагался колбасный цех. Сюда приезжали грузовые машины с говяжьими и свиными тушами, и ночной вахтер Астафьев помогал их разгрузить, сносить и стаскивать в подвал. Именно здесь в относительно спокойную от рабочих хлопот ночь с 1 на 2 декабря 1950 года 26-летний фронтовик написал свой первый рассказ «Гражданский человек». (Со временем этот рассказ будет основательно переработан уже опытной рукой признанного литератора и получит новое название – «Сибиряк»).

Еще один знаменитый чусовлянин, литературный критик Валентин Курбатов, позже так скажет об этом памятном подвальчике: «... На музеях, особенно малых, держится самое живое родовое пространство русской культуры. В этом ряду и чусовской музей Астафьева на ул. Фрунзе, в котором в гибельной тесноте вахтерки колбасного цеха, спасавшего Чусовой от голода, был в одну ночь рожден первый рассказ, повернувший историю Великой Отечественной войны в человеческую сторону и ставший основой для рождения правды Юрия Бондарева, Владимира Богомолова, Константина Воробьева, Вячеслава Кондратьева, Василя Быкова. Может быть, это самое дорогое детище нашей культуры. А вахтерский журнал, в котором был написан рассказ «Гражданский человек», – колыбель всей великой прозы войны...»

Сегодня центр экспозиции – скульптурное изображение «Царь-рыбы» работы Николая Хромова. В залах много личных вещей Виктора Петровича – выходной костюм, меховая куртка и зимняя обувь, рыболовные снасти – блесны и иглы для плетения сетей. Рядом обширная коллекция книг, фотографий, портретов писателя,

выполненных местными художниками. А в одном из первых помещений установлен бюст Владимира Ильича Ленина. (Описывая памятник Ленину на привокзальной площади, Астафьев как-то воскликнул: «Здорово, Владимир Ильич! Единственная знакомая мне в этом городишке личность...»)

С улицы Фрунзе по сгустившимся сумеркам отправляемся на улицу Партизанскую, на которой небольшой домик под № 76 Виктор Петрович построил своими руками и прожил в нем с семьей с 1950 по 1956 гг.

Как возводил писатель сие жилище, во всех красках и откровениях написала Мария Семеновна в своей повести «Знаки жизни». Вот лишь одна цитата: «...Витя уже пол настлал, потолочины примеривает, многие сгодились от нашей избушки – от стены до матицы проходят, даже если трупелые концы опилить. Но вот беда: работник-то он один, как говорится, сам себе барин и дурак. Уронит молоток или топор – слезать за ним надо. Работа продвигается медленнее, чем лето подкатывает. Вот уж по дороге мимо дома начали выгонять стадо – на первую травку... Пока в гору стадо гонят, не очень разберешь, о чем хозяйки разговаривают: то одна корова отстает, то другая куда свернет. Зато уж когда обратно идут, то непременно проходя мимо нашего дома, притормозят ход и заговорят о хозяине, который тут постройку дома затеял. Одна говорит, мол, знает ли кто, что за новожитель объявился? Пьянчужка, видать, каких свет не видел! То поет, то матерится!.. А им невдомек, что хозяин тот на все руки один, и если все ладится – поет во всю головушку, а если молотком по пальцу стукнет или, того хуже, ножовка или топор упадут, и поднять, подать их некому – самому приходится за ними слезать – тут уж матерится, как умеет и сколько голосу есть. Вот и выходит: то поет, то матерится...»

Общим счетом у Астафьевых во время проживания в Чусовом было три дома. Первый, на улице Железнодорожной, 32 – дом родителей жены. Он, к сожалению, не сохранился. Как, впрочем, и третий, на Нагорной, 60, из которого писатель перебрался в областной центр. Остался на наши смотрины только этот, приземистый, на Партизанской, всей площади в нем для житья – 20 квадратных метров, из которых пару-тройку заняла русская печь. Дощатыми перегородками разделен на четыре половины. Сразу при входе – кухонька (если можно назвать этот крошечный пятачок кухонькой?) За печкой – лежанка няни Секлеты Савватеевны Опариной. (По словам директора музея Владимира Николаевича Маслянка, она по рождению вятская, до сих пор живет-здравствует в городе Лысьва, недавно справила 85-летие. А в Чусовой приехала еще беспаспортной, стала работать, потом замуж вышла... Уход за детьми Астафьевых, Ириной и Андреем, входил в ее прямую заботу...) Кстати, и Мария Семеновна Корякина-Астафьева, надо напомнить, тоже корнями с вятских мест...

Из кухни проходим в комнатку (назвать ее гостиной даже с натяжкой сложно): у окна стол, в углу этажерка, на стенке скромная книжная полка, украшенная подзором, занавески на окнах, у перегородки дерматиновый диванчик с откидными валиками. А еще, по правую руку, скромная, на взрос-

лую и детскую кровати едва рассчитанная спаленка. Всё!

Как здесь работать писателю, в такой тесноте и укроме, на общем проходе, представить невозможно. А Астафьев работал. Целых шесть лет...

Потом будут Пермь, Вологда, Красноярск, Овсянка. Но этот тихий чусовской домик, самолично возведенный молодым хозяином в середке прошлого века, в семье Астафьевых будут неизменно вспоминать с пронзительной теплой грустинкой…

...Имя у нее мудреное, непривычное слуху по нашему просвещенному времени. И редкое очень, пожалуй, прежде и не встречал ничего подобного в широком кругу своих знакомых. Имя у нее – Секлетия. Проще говоря – Секлета. Очень оно созвучно обычному имени Света – потому так нередко многие ее и звали. При этом и ее отчество тоже нечасто заметишь в простом обиходе – по отчеству она Савватеевна…

– Такой уж семейный закон у нас был заведен: родится первый сын – ему непременно давали имя отца. Вот у меня отец – Савватей Савватеевич, – сдерживая улыбку, рассказывает Секлетия Савватеевна. – А брат у него был Левонтий. Так у того когда сын родился – опять выходит Левонтий Левонтьевич... А уж если дочь – тогда любое имя давали. Раз девка – куда деваться? Некуда! Написано в книге по конкретному дню, что родилась Секлета, так Секлетой и будешь. И не взбрыкаешься. А родилась-то я еще до войны…

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Где родился, там и пригодился… Так она о родине говорит. А родом Секлетия Савватеевна Опарина (в девичестве Ожегова) из Немского района Кировской области. Есть там село Слудка – 12 км от районного центра. Там и родилась она по зимней январской поре 1934 года в семье кержаков-колхозников: самая старшенькая была из четверых ребятенков.

На детские годы когда повернется воспоминаниями – там голод, там война.

– Еще только война началась, как нас разом потащили в поле. Лен рвать. Так мы все руки измозолим. Изрежем… А мама у нас звеньевой была. Хотя какая звеньевая – старшая над нашим братом. Одно твердит: «Девки, вы комелек-то делайте аккуратно. Чтоб ровный снопик был…» А у нас что комелек, что вершок… Все едино. Нарвем лен, как обычную траву. Ну что с нас взять, 7 годков всего возрастом… А жить как? Корову дома кормить нечем – на веревки подвязывали, чтобы стояла. А она одно – обвисела и пала. Не могли спасти. Мама тогда написала отцу на фронт, выплакала ему наше горе горькое. И нежданно приходит на село указание: выдать семье военнослужащего Ожегова из колхоза какую возможно корову. Нам стельную телку и выдали. По весне она отелилась. А покуда то да се, мы спасались козой… Когда конец войне спознали, в каждом доме вой стоял. Вой самый настоящий. У каждой же семьи по двое да по трое мужиков обратно не вернулось…

Отца у Секлеты забрали в армию еще в тридцать девятом. Домой он вернется нескоро – лишь в 48-м.

– По госпиталям три года ездил. Хотели ноги у него напрочь отнять. Обморозил. В окружении было, когда находились у немцев. Но он все равно на своем стоял, не позволил: «Что я без ног?!» Ему возражают: «В конце концов генгрена пойдет…» (Секлетия Савватеевна так и произносит это слово – генгрена). – «Нет, не дам отнимать. Хошь что со мной делайте…» Мазали тогда мазью под вид смолы. Так у него генгрена в итоге и отступила. Сдалася. Только пальчики отпали. Но ноги сохранились… И еще такой бойкий мужик был опосля. О-о! Ходовый…

КАРТОШКА В «МУНДИРЕ».

До пятьдесят второго года Секлетия Савватеевна жила в Слудке. А потом совсем невмоготу стало. В колхозе по 20 килограммов ржи дадут на год – и руками в бессилии разведут. А чем питаться-то? Нечем… Или на лесоучасток пошлют – ночь-полночь сучья рубить. Вот и тяпаешь топором, сколь силенок хватит. А какие особые силенки у шестнадцатилетней девчушки?!

А на Урале, в городе Чусовом, у мамы родная тетка жила. Списались однажды, свои заботы высказали. Тетка Анна и пригласила: «Ну, приезжайте…» Они и сорвались, и поехали спехом – три девчонки-подружки. Без документов, без справки с места прежней работы. Только паспорт ученический на руках.

– Приехали мы, словно какие-то тюремщики, – улыбается Опарина. – Без документов, без всего. Как сбежали откуда-то… Понятное дело, на завод не берут. Работать – негде. Разве только в няньках. Садиков-то не было почему-то? А тетка Анна тогда в пошивочной уборщицей работала. И Мария Семеновна, супруга Виктора Петровича Астафьева, там же – по бухгалтерской части. А дети у них еще маленькие: Андрейке два года, Иринке четыре, пятый только пошел…

Вот Мария Семеновна и позвала: «Придите. Порешаем…» Мы и пришли – было это памятным вечером 27 октября 1952 года. Да так я там и осталась – в маленьком домике на улице Партизанской, 76, в семье будущего известного писателя.

В ее обязанности входило за ребятами присмотреть, обед сготовить. Виктор Петрович тогда уже в «Чусовском рабочем» работал, в редакции. В еде был непритязательный. Что сготовят, то и ладно. Да и ели-то в основном однообразно – селедку да картошку.

– Один раз у меня смех и грех получился, – вспоминает Секлетия Савватеевна. – Миля (я так привычно Марию Семеновну звала) пошла на работу, говорит: «Я селедки куплю. А ты здесь картошку в мундире свари…» Ну, я картошку вымыла и думаю: в какой же еще «мундир» ее здесь кладут? В нашей-то деревне ни о каком «мундире» слыхом не слыхивали. В итоге не сварила картошку – так в чугунке она и простояла. Миля приходит, спрашивает: «Ну что? Картошку сварила?» – «А я «мундир» не нашла…» Вот они ха-ха-ха и устроили потом надо мной. «Сейчас, – говорят, – отыщем этот «мундир»… А вода в чугунке давно налита – они и поставили его спешно на печку. И долго еще потом вспоминали эту историю смехом…

ШО ВАМ?

Простые были люди Астафьевы, очень простые. И жили небогато – кровати железные, матрас осокой набит. И подушки тоже. У няни – узкий топчан в закутке. У ребят общая койка у печки – Андрейка спал в одну сторону головой, Иринка – в другую. Как начнут порой драться и пинаться – шум да гам. Пока отец строгое слово не скажет. Тогда только смирятся, затихнут… На кухне вместо стола большой ящик приспособлен. В нем еще куры жили – больше держать негде. И хоть чистили комнатку каждый день – а все равно стойкий запах. А то сядут семейно обедать, а петух «варежку разинет». Или того хуже – тут же с песней нагадит. Птица тупая, что с нее возьмешь. Виктор Петрович, понятное дело, матюгнется: «Паразит, вот паразит. Мы едим, а ты что делаешь? Б-р-р-р…»

Зиму прожили, и Виктор Петрович сходил к участковому, написал заявление. И Секлету прописали по тому же адресу: Партизанская, 76. Ну, а потом и паспорт выдали…

Чиклета… Света-няня… Няня… – так привычно ее дети Астафьевых звали.

– Иринка упряма была. Но когда Виктор дома и она заупрямит – он ее быстро в угол, – вспоминает Опарина. – Запросто. В угол поставит – и стой! Она его побаивалась. А меня нисколько… Скажешь что-то сделать – не сделает. Ну, тогда просишь Андрейку: «Андрейка, иди, сделай». Андрейка беспрекословно сделает… Вот и глядите: мать и отец одни – а дети такие разные.

До 1958-го жила Секлетия Савватеевна бок о бок с семьей Астафьевых, хотя в нянях пробыла меньше года, до лета. Ушла на работу в столовую. Никакой специальности нет, поэтому взяли посудницей. Мыть грязную посуду. Одно время поставили официанткой. Но она же из вятской деревни, потому в разговоре: «Шо вам?» да «Шо вам?» Не выдержала насмешек, пошла к зав. столовой: «Не буду официанткой». Перебросили тогда на кухню как помощника повара.

– Я по-прежнему жила на Партизанской как родственница, с Милей мы были, как сестры, – говорит сегодня бывшая няня. – И в огороде редиску, лучок вместе садили, и по дому все сообща делали… Еще и халтурили порой – вышивали. То платья были ношеные с вышивкой, то одеяла стежили. Это все вместе. И что настежим – деньги в общий котел… И на рыбалку на Усьву ездили, на Вильву. И фотографии есть, где Виктор Петрович со спиннингом сидит на реке. Кричать и шуметь тогда было нельзя, но дети есть дети. Я им: «Не орите, отец сейчас вам задаст…» А они шире того!.. А Астафьев в первые годы после войны очень нервный был. Да и глаз-то – поврежденный. Потому у него и маты были. Сплошь да рядом. Но потом стал меньше матькаться… Да и Миля все: «Витенька, Витенька…» Если бы не она, не ее терпение, он, может, и писать-то бы бросил. Как знать, как знать? Если бы не Милино руководство, он бы не был, пожалуй, писателем. А вот певцом был бы: голосок у него – ой-е-ей…

КРЕСТНЫЕ

В небольшом городке Лысьве, до которого от Чусового километров двадцать, может, чуть больше, после окончания ремесленного училища работал на металлургическом заводе родной брат Секлеты Афанасий. Вот она и решила как-то перебраться к нему на жительство, рассчитывая, что зарплата на производстве будет существенно выше. Но посмотрели в кадрах ее документы и… предложили пойти в столовую. Отказалась наотрез. Тогда пожалуйте разнорабочей: метелку в руки и вперед.

Но метелкой махала она сравнительно недолго – направили учиться на крановщика. Закончила курсы, таскала грузы на мостовом кране, даже учеников обучала. Потом пошла на повышение – назначили оператором горячего проката в сутуночном цехе. Там, в сутунке, и проработала до пенсии, на которую по первому списку вышла в 45 лет.

Когда за плотника Андрияна Игнатьевича замуж выходила, Астафьевы у нее на свадьбе самыми желанными гостями были.

– И Виктор Петрович, и Миля – все у меня на свадьбе пировали, – вспоминает с улыбкой Секлета Савватеевна. – Более того, они мне как крестные даже. По свадьбе… У мужа крестная была, у меня – нет. Вот Виктор с Марьей за столом сразу и порешили: «У ней нет никого – так мы садимся в крестные…» Но все ж у меня язык не поворачивался потом их крестными называть. А муж звал… Они и в иное время к нам ездили, а мы к ним, в Чусовой. Связь не прерывалась никогда. Тот же Виктор неизменно подчеркивал: «Это наша родня!..»

Потом начались перемены. В Чусовом Астафьевы переехали с Партизанской на улицу Нагорную – там побольше дом был, попросторнее. Потом писателя пригласили на жительство в Пермь, затем семья перебралась в Вологду, а уж после на родину Виктора Петровича – в Красноярск.

– Тоска по Сибири у него постоянно была. Это нечего говорить, – подтверждает Опарина, побывавшая не единожды и в Красноярске. – Помнится, когда померла у Виктора Петровича бабушка, он пошел к начальнику, чтобы отпроситься и съездить на похороны. Это еще в Чусовом было, в вагонном депо. А начальник отказал, ответил, что разрешение дается только на похороны матери или отца… Позже в «Последнем поклоне» Астафьев напишет, что надо было тогда все бросить, отлаять начальника и хоть пешком, но дойти до Сибири. Ведь бабушка была для него всем. Она заменила и мать, утонувшую в Енисее, и непутевого отца…

МЫ ИЗ КНР

Около трех часов просидели мы с Секлетией Савватеевной Опариной в уютной комнатке ее лысьвенского приземистого дома за чайком да задушевным разговором, вспоминая прошлые встречи с Виктором Петровичем и Марией Семеновной Астафьевыми.

– Шли годы, а они почти не менялись, – говорила бывшая

няня. – У Мили характер – дай Бог каждому. Такой нежный, такой внимательный был человек… А Виктор – ох, мог и вспылить. Но отходчивый… Помню, когда мы еще в Чусовом жили, она придет ко мне и скажет: «Зачем спорить? Я лучше промолчу. А промолчишься – как в саду отсидишься…» И вот он пропылил – и все! Она уже с лаской: «Витя, ну что у тебя? Все ли?» – «Все!»

Знаете, он остался у меня в памяти, как человек, не сторонящийся никого, не брезгующий никем. Пусть я буду деревенская, пусть я буду городская – он ко всем относился одинаково. Вот я из деревни приехала – простая деревенская баба, по-русски сказать. И все хорошо, все ладно… А теперешняя молодежь как порой относится? Чуть что и сразу высокомерно – эй, деревня! Или ой, Вятка! И я тогда говорю: правильно, мы иностранцы. Из КНР приехали.

– Откуда?

– Из КНР.

– ???

– Из Кировской народной республики…

г. Вятка – г. Чусовой
и г. Лысьва Пермского края.